

„Бубновый валець“.

Выставка картин „Бубнового валеца“ представляется собою явление, до того беспрецедентное, что мы рѣшили посвятить ей специальную фельетонку.

Но, задавшись дѣльно пояснить наш текст иллюстрациями собственной кисти, мы очутились въ весьма затруднительном положении.

И вот почему. При всем нашем неумѣнии рисовать, наши первые опыты иллюстрацій все-же имѣли подобие чего-то и, поэтому, были далеки отъ экзоприемебельныхъ на выставкѣ „Бубнового валеца“ шедевровъ.

Но такъ какъ мы во что-бы то ни стало рѣшили дать точную копию наиболее выдающихся оригиналовъ „Бубнового валеца“, то и прибѣгли къ совершенно оригинальному приему.

Туго перевязавъ глаза непроницаемой тканью и разложивъ передъ собою нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, мы стали водить по нимъ мѣлкимъ лѣвой ногой, а включение нашего сейчасъ вылезла на наши рисунки огромную банку чернилъ.

Эффектъ получился поразительный. Самая лучшая фотография была-бы не въ состоянн болѣе точно воспроизвести выставленные имъ „Бубновымъ валецѣмъ“ оригиналы.

Мы знаемъ, что такъ называемая большая публика, убоявшись перспективъ моментальнаго помѣшательства, демонстративно избѣгала посѣщенія выставки „Бубнового валеца“.

Но мы знаемъ и то, что человеческое любопытство зачастую оказывается сильнѣе здраваго разсудка.

Вотъ для этихъ-то любопытныхъ мы и прилагаемъ къ сегодняшнему тексту собственныя иллюстраціи, являющіяся, повторяемъ, точной копией оригиналовъ „Бубнового валеца“, за которыми неминуемо слѣдуютъ сморительная рубашка и желтый дождь.

Птакъ, просимъ слѣдовать за нами. Для начала—этотъ бубновый валець, являющійся выѣвмой выставкѣ.

Почему „бубновый валець“, а не „ослиная голова“, я сказать не берусь, да это и не наше дѣло.

Всякій поселится по-своему. Возможно, что какая-нибудь повал группа жордествующихъ художниковъ дастъ своей выставкѣ названіе еще болѣе дикое.

Нашемъ по порядку.

В. А. Талке. „Красный дождь“.

Ученика перваго класса оставили безъ обѣда, а онъ, изъ озорства, вынулъ изъ чистый листъ бумаги банку красныхъ чернилъ.

Но, вѣдь, убоявшись справедливаго гнѣва наставника, инкогнито поспѣшилъ выбросить инкогнитную бумагу за окно.

Ке случайно подобралъ проходившій по улицѣ художникъ. Также и выставилъ на „Бубновомъ валецѣ“, какъ собственное произведеніе.

Фалькс, Р. Р. „Пейзажъ съ собакой“. На заднемъ фонѣ провели сапожной щеткой. Получился дождь.

Сѣва—заборъ, вхожіи на цѣвущее дерево, справа—дерево, похожее на старый заборъ.

Вѣтки на деревѣ окрашены въ цѣвть крови, вѣроятно, изъ уваженія къ дамѣ, стоящей на склѣбѣ въ кроваваго-же цѣвть пенварѣ.

Поодаль, на ярможелтомъ пескѣ, помѣсь буйвола съ крокодиломъ, выдаваемая художникомъ за собаку, отъ которой падаетъ тѣнь.

При отсутствіи въ картинѣ и тѣни кроваваго смысла, приходится довольствоваться тѣнью собаки.

Но у г. Фалька на собаку похожа только ея тѣнь, собака-же не похожа рѣшительно на одно изъ вѣвствныхъ въ зоологн животноныхъ.

Вѣроятнѣе всего, это—собака будущаго. Вообще, у г. Фалька, что ни пейзажъ, то „съ чѣмъ-нибудь“.

„Пейзажъ съ домиками“, „пейзажъ съ куной“, „пейзажъ съ красной дорожкой“.

Есть даже „пейзажъ съ женщиной“, похожей вблизи на салатъ Оливье, но вѣтъ ни единая пейзажа съ... искусствомъ нарисованнаго.

Лучше всего ему удалась картина „Пиво“. Какой-то турокъ, а, можетъ-быть, и не турокъ, куритъ, поджавъ подъ себя ноги, а, можетъ-быть, и голову.

Потому, голова у этого турка похожа на ноги, а ноги на голову, все-же вѣвтъ ни на что не похоже.

Вѣроятно, это младо-турокъ, о которомъ еще неизвѣстно, что изъ него выйдетъ.

Картина называется—„Пиво“... но какое,—вотъ въ чѣмъ вопросъ?

Ввиду слуховъ о предстоящемъ вѣвтъ Вилхельма къ Абдулу-Гамиду въ Салонки слѣдуетъ предполагать, что пиво—мюнхенское.

Можно предположить, что это даже не пиво, а... желѣзнодорожная забастовка во Франціи.

Въ сторонѣ отъ турка треугольникъ, если не ошибаюсь, фабричное клеймо россійско-американской резиновой мануфактуры. По бокамъ треугольника—двѣ тарелки, одинъ котелокъ, пальто съ воротникомъ и рука или что-то, похожее на руку.

Теперь понимаете, почему картина называется: „Пиво“?

И. П. Комчаловскій. „Антаро“.

Вотъ это и есть Антаро. Я спросилъ у одного изъ бывшихъ на выставкѣ художни-

ковъ, что такое „Антаро“?

— Не знаю, говорятъ. Вотъ погодите, пойду спросю у художника Болчаловскаго.

Помогли, спросили и вернулись на мнѣ въ отвѣтомъ.

Оказывается, гдѣ-то въ Дагомеѣ именованъ „Антаро“ называютъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, вѣвщующихъ жениха, насморкъ и воспаленіе слѣвдншнаго нерва.

Ну, Антаро, такъ Антаро. Кто-же „Любитель боя быковъ“.

Вотъ онъ этотъ самый „любитель“. Надо замѣтить, что мои иллюстраціи много теряютъ изъ-за того, что переданы не въ краскахъ.

Комбинація и подборъ красокъ на выставкѣ „Бубнового валеца“ играетъ рѣвную роль.

Вѣтъ хотя-бы этого „любителя“. Вся физиономія у него смазана фелетоннымъ чернилами, котормы потекли по сарочкѣ вѣвтъ тонкихъ струекъ.

Напрасно мой сосѣдъ по выставкѣ хотѣлъ увѣрять меня, что эти фелетонныя помески не что иное, какъ вскрытыя вены.

Нѣтъ, это слѣдн чернилъ. Непонятно только, почему этотъ страанный дядя съ фелетонной рожей—„любитель боя быковъ“, а не предводителъ краснокожихъ, татуировавшій себя во славу своего томагавка?

Недурна и „Комната въ Испаніи“.

Д... стула, круглый столикъ на трѣхъ ножкахъ, а на немъ—пустая бутылка и три желтыхъ пятна, загримированныя апельсинными.

Честное слово, точно такую-же обстановку мнѣ приходилось вѣвтъ въ Ростовѣ-на-Дону, въ Одессѣ, въ Ялту и въ буфетѣ Рязанскаго вокзала.

А вотъ г. Болчаловскій княнется, что разъ въ комнатѣ, кромѣ стола и стульевъ, нѣвтъ еще и пустая бутылка, то это обязательно Испанія.

М. В. Ларионовъ. „Купальщицы“.

Купальщицамъ вообще повезло на этой выставкѣ. Каждая третья картина изображаетъ „купальщицы“.

Но какъ онѣ изображены, этого не передать никакая фантазія.

Это надо вѣвтъ своими глазами.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдъ вы не повѣрите, что г. Ларионовъ, на трѣхъ разныхъ картинкахъ, изображалъ „купальщицы“ слѣдующимъ образомъ.

На одной—бесформенная шоволодная масса. Это „Купальщицы“ № 1.

На второй—изображены два страшныхъ чудовища.

Не то—раздавленные автомобилемъ кантары, не то—вдребезги разбитый трамвайсь автомобилемъ.

А на заднемъ фонѣ—свинья, окрашенная въ синюю краску, съ невѣроятной величинны глазамиъ.

Напомнимъ, „Купальщицы“ № 3 еще дико-внѣвтъ.

Я сдѣлалъ темой опытъ: спросилъ у бывшихъ се мною на выставкѣ дамъ, что, по ихъ мнѣнію, изображаетъ сія картина.

Одна, подумавъ, отвѣтила, что это, по вѣвтъ вѣвтъ, землетрясеніе въ Мессинѣ.

Зато другая рѣвательно сказала:

— Разумѣется-же, это—разстрѣль англичанами воставшихъ индусовъ.

А оказалось, что это „купальщицы“.

Вообще, г. Ларионовъ побилъ на этой выставкѣ рекордъ злоупотребленія се здравымъ смысломъ.

Вотъ, напримѣръ, его „Автопортретъ“, изображающій человека, изъ котораго только-что вытаскивали всѣ внутренности.

Объ этомъ „автопортретѣ“ спорить не приходится. Автору лучше знать, на что онъ похожъ.

Но вотъ его-же совершенно безпримѣрное „Солдаты“.

Это уже апофеозъ художественной разнузданности.

На самой картинѣ всевозможными надписи: „солдаты“, „сабля“, „пиво“, „дверь“, „лошадь“ и даже „дуракъ“.

Эти надписи какъ нельзя болѣе уместны, потому, не будь ихъ, солдатъ можно-бы было принять за пиво, пиво—за лошадь, лошадь—за саблю.

И все картину въ цѣлости можно принять за наглое надѣвательство надъ публикой.

Единственный плюсъ этой картины ея перспектива: насильственное заключеніе въ недалекомъ будущемъ автора въ сумасшедшій домъ.

Спасибо и на томъ.

А. В. Лентуловъ также выставилъ „Купальщицы“.

Честное слово, можно подумать, что люди сговорившись поглумились надъ москвичами до послѣдней степени.

Ну, что сказать-бы этотъ самый художникъ Лентуловъ, если-бы въ какомъ-нибудь ресторани, вѣвтъ значущаго въ обществѣ рябчика, ему подали на блюдѣ задохъ извозчичьей пролетки, а вѣвтъ салата—липкую бумагу для мухъ въ жестянкѣ съ мерсиномъ?

А развѣ „Купальщицы“ г. Лентулова не вродѣ этого „рябчика“?

Вѣвтъ моря—зеленый илпнать съ плавками.

Вѣвтъ купающихся женщинъ,—дѣв перерѣванными полопачъ свиньи, прирѣввающіяся разноцѣвтъными тряпками.

Помилуйте, что-же это такое!

Или, вотъ, его-же „Nature morte“, надъ которой значится: „продано“.

Не то судишь, не то русская печь. Не то, картонка, не то глиняная миска.

И двѣ крыныя усѣвными пирамида, изображающія ининныя бутылки.

Какова „натура“? И вѣдъ нашелся-же меценатъ, поспѣвшій купить это произведеніе искусства!

Вотъ-бы на этого мецената хоть однимъ глазомъ посмотреть. Тоже вѣдъ не каждый день такого увидишь.

Наша Машковъ экспонировала самый большой холстъ, сажени полторы въ длину и добрую сажень въ ширину.

„Автопортреты и портреты Петра Болчаловскаго“.

Сидятъ два совершенно голыхъ негра, съ дико вращающимися глазами бѣлками.

Въ рукахъ у одного негра—скрипка, у другого—лоты.

Въ ногахъ валяются тяжелыя гири.

Сбоку, у стѣны, пѣвтъ, а на немъ бумага, на которой значится: Бомбита и Фуантешъ.

Насколько мнѣ извѣстно, это имена знаменитыхъ испанскихъ тореадоровъ.

Въ сторонѣ—кружка съ виномъ.

Для полноты картины ей не достаетъ: дифтеритныхъ налетовъ, утопленника, бѣвшею собаки, вѣвщическихъ огурцовъ, эрлиховскаго „606“ и отраженной шляпы.

Воля ваша, предъ этой картинкой и пасушъ.

А вотъ, съ вашего позволенія, шедевръ И. С. Гончарова. Изображены семь вѣвтъ, въ разныхъ позахъ, но всѣ безъ переносиць.

Небо составленное изъ гранитовыхъ кристалловъ.

Справа—два... не-то дерева, не то-осла, а внипу три желтыхъ пятна.

Картина скромно называется: „Апельсинныя“.

Если-бы эти пятна были зеленого цѣвтъ, картина называлась-бы „Арбузныя“, а будь пятна черныя, получила-бы „Бомби“ или „Бумбия“ и даже тара-ра-бумбия!

Вотъ, неудбно-ли полюбоваться этой „Апельсинной“, чтобы ей ни дня, ни попрышки?!

А. А. Моргуновъ. „Парижъ“.

На переднемъ планѣ—уличный фонарь, проходной и огромной величинны табачный жестъ.

Поодаль—собирающіяся рухнуть доми.

Это—столица міра Парижъ.

Воображаю, въ какомъ видѣ художникъ изобразилъ-бы Тулу или, напримѣръ, Пензу.

Плюнулъ-бы на полотно разъ,—вотъ и „Тула“. Плюнулъ-бы два раза,—вотъ и „Пенза“.

А если-бы три раза кряду плюнулъ, то обязательно-бы получился либо „Верхпеднѣпровскъ“, либо „Владивкавтъ“.

Д. Бурлюкъ. „Барышня“.

Рекомендую. Добъ и верхняя часть носа—зеленога цѣвтъ, нижняя часть носа и подбородокъ—ярко красного.

Одна рука—малиновая, другая—зелено-зеленая.

На мѣстѣ, гдѣ у людей полагаются глаза, что-то совсѣмъ несуразное.

Женихъ всѣхъ справъ, соединяется п... бѣгае подалше отъ этой барышни.

Мнѣ сообщили по секрету, что это—вѣдъ-ма съ Лысой горы.

Такая „Барышня“ по рецепту Д. Бурлюка.

В. Каминскій выставилъ свои „Импровизаціи“.

Такъ не импровизируютъ даже самыя буйныя женщины на Камачковской дачѣ.

Вѣдъ и у самаго безнадежнаго романтика бывають проблески сознанія.

„Импровизація“—же г. Каминскаго кѣвтъ такое, чему на обыкновенномъ человеческомъ языкѣ нѣтъ названія.

Обратимся лучше къ Бодуэну-де-Куртена.

Вотъ, напримѣръ, его „Пальма“.

Не гоняясь за пальмой переноски, художникъ довольствуется прстой пальмой.

Но эта пальма не только не „манитъ прохожаго въ пустынь“, но и не влечетъ къ себѣ никого изъ поспѣтелей выставки.

Куда занятнѣе его-же „Голова“. Вотъ она:

Какъ видите, это не городской голова, а просто голова.

Вѣвтънѣе всего, голова женщины.

Но, въ такомъ случаѣ, какой-же этотъ самый Бодуэнь-де-Куртена не галантный валець?

Ну, можно-ли, скажите, такъ уродовать женщину, это „кряккое Божье созданье“?

Возможно, что нарисовать эту голову, художникъ хотѣлъ наглядно пояснить, почему во Франціи изъ году въ годъ уменьшаются дѣворожденіе.

Побольше такыхъ женщинъ и самыя бражи перейдутъ въ область предѣловъ.

Вотъ, включеніе произведеніе г. Машкова „Портреты поэта“.

Согласитесь, подобной шеи не бывають ни у повговъ, ни у провансовъ.

Но разъ художникъ „разсудку вопреки, паперекоръ стихіямъ“, пожелае свѣдѣтъ поэта подобной шей, отчего-же онъ не приспособилъ къ ней подлѣвную машину?

Пожалѣль-бы жену поэта, его возлюбленную, сапогомъ, вслзую, которая-бы захотѣла броситься на шею этого поэта.

Вѣдъ безъ лифта до этой шей въ недѣлю не добратся?!

Увы! Такое направленіе въ живописи теперь называется „жанромъ зловыхъ путей“.

Эръ.